

Шестов Л. Киркегард – религиозный философ filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Шестов Лев Киркегард – религиозный философ.

До последнего времени Серен киркегард был совсем неизвестен во Франции: даже в литературных и философских кругах о нем ничего не знали. Сейчас же интерес к нему и во Франции сильно возрос: многие из его книг уже переведены на французский язык, в философских и общелитературных журналах о нем появилось немало статей, его идеи все больше и больше привлекают к себе внимание французских образованных людей. Но все-таки до настоящего времени найдется еще немало людей во Франции, которые едва ли слышали его имя. А меж тем, в других странах влияние киркегарда на философскую и богословскую мысль огромно. В особенности в Германии, где киркегарда "открыли" еще в конце прошлого столетия. Знаменитый теолог Карл Барт весь вышел из киркегарда. В значительной степени можно сказать то же и о более выдающихся современных философах Германии – Ясперсе и Гейдеггере: посредственно или непосредственно, их мысль держится в орбите идей киркегарда. Литература о киркегарде в Германии разрослась безмерно: его изучают, как изучают классиков. Но скажу теперь же: киркегард один из самых сложных и трудных мыслителей. Труден он, главным образом, необычной и совершенно непривычной для нашего мышления манерой ставить философские вопросы. Сложность его тоже своеобразна: главным образом смущает и запутывает читателя то, что он сам называет "непрямыми высказываниями": самые дорогие свои мысли он в такой же мере показывает, как и скрывает, и от читателя требуется огромное напряжение всех его душевных сил, крайняя сосредоточенность внимания, чтобы разыскать под часто умышленно противоречивыми и запутанными утверждениями то, чем жил и за что всю жизнь боролся киркегард. Свою философию он назвал экзистенциальной – это значит: он мыслил, чтобы жить, а не жил, чтобы мыслить. И в этом его отличие от профессиональных философов, для которых их философия является просто "специальностью", такой же, какой бывают всякие другие специальности – филология, астрономия, математика, – специальностью, не имеющей никакого отношения и никакой связи с их жизнью. Это однако не значит, что жизнь киркегарда богата внешними, всем видными и для всех интересными событиями. Наоборот, к событиям, ознаменовавшим эпоху, в которую он жил, он никакого отношения не имел. В его книгах, как и его многочисленных дневниках вы не встретите даже упоминания о революции 48 года, хотя ему в эту пору было уже 35 лет и она совпала с разгаром его литературной деятельности. Киркегард как бы жил вне истории или, если угодно, – и для понимания киркегарда это имеет огромное значение – у него была своя собственная история, безразличная для всех, но давшая ему совершенно необычайный материал для мышления.

I

Серен киркегард родился 5 мая 1813 года в Копенгагене, от второго брака его отца, Михаила киркегарда, с его бывшей служанкой Анной Лунд. Теперь же отмечу, что этот брак был несколько поспешным: Михаилу киркегарду нужно было, как говорят, покрыть грех. Это обстоятельство сыграло большую роль в истории духовного развития сына, который еще в ранней юности узнал, что строгий и набожный отец его вскоре после смерти первой жены поддастся искушению. Но еще большее значение для киркегарда имел другой факт из жизни его отца. Когда киркегарду было всего одиннадцать лет, он был отдан родителями, очень бедными крестьянами, на работу к пастухам, тоже очень бедным людям, которые сами жили в очень трудных условиях и всячески эксплуатировали отданного в их полное распоряжение ребенка. И вот, в один ненастный, холодный, дождливый осенний день, когда ему пришлось голодному, полуодетому, замученному непосильной работой, с раннего утра пасти овец в одной из суровых и неприятных долин Ютландии, несчастный мальчик пришел в отчаяние и, взбежавши на холм, проклял Бога. Старик киркегард до смерти (он умер 82 лет) не мог этого забыть: он видел в этом преступление против Св. Духа и бесконечно мучился этим, считая себя осужденным на вечную гибель. И не только себя – все свое потомство. Он не умел или не хотел скрыть этого от своих детей, и юный Серен уже знал, что он обременен тяжелым наследственным грехом. Таким образом, два события, происшедших задолго до появления на свет Серена киркегарда, оказались решающими в его жизни. Надо думать, что здесь кроется разгадка того исключительного по своей решимости и сосредоточенности напряжения, с которым экзистенциальная философия трактует заброшенную всеми библейскую тему первородного греха и падения

Воспитание Киркегарда вначале было, конечно, всецело в руках отца и носило строго религиозный характер. Но все же он был отдан в школу, которую окончил в 1830 году, и потом поступил в университет для изучения теологии. Пока жил его отец, занятия Серена в университете, к великому огорчению старика, шли плохо: сына отвлекали от теологии другие интересы - он много бывал в обществе, посещал театр и т. д. - вел, как выражаются, рассеянную жизнь, и всем близким казалось, что он никогда не добьется университетского диплома. Когда умер в 1838 году - в возрасте 82 лет - отец, никто уже и не сомневался, что Серен не сдаст экзамены. Но, вопреки общему мнению, он уже в 1840 году сдал экзамен с отличием и, кроме того, незадолго до экзаменов получил диплом *magister artium*. Но хотя он обладал всеми нужными учеными степенями - и, между прочим, степенью кандидата теологии (соответствующего немецкому доктору теологии), - он ни разу не занимал должности пастора, ни какой-либо иной должности, на которую его диплом давал ему право - до смерти оставался "частным" человеком или, как он сам выражался, "частным мыслителем". В год окончания университета произошла его помолвка с молодой девушкой - Региной Ольсен, которой было всего 17 лет и которую он знал с детства. Но через год - 10 октября 1841 года, он, без всякого повода, порвал с невестой - к великому негодованию как его близких, так и близких его невесты и всего Копенгагена. Копенгаген сто лет тому назад был большой деревней: все обыватели знали дела всех обывателей, и ни на чем не основанный разрыв Киркегарда с невестой сделал его притчей во языцех в городе. Регина Ольсен была потрясена неслыханно; она не понимала и не могла понять, чем был вызван неожиданный поступок Киркегарда. Но еще больше был потрясен и раздавлен своим поступком Киркегард. Его разрыв с невестой - для всех нас факт второстепенный, ничтожного значения - приобрел для него размеры великого исторического события. И не будет преувеличением, если мы скажем, что характер его философии определился именно тем, что по воле судьбы ему пришлось такой незначительный факт испытать как историческое событие - как "землетрясение", выражаясь его собственными словами. Что заставило его порвать с Региной Ольсен? И в дневниках своих, и в книгах он непрерывно говорит от своего имени и от имени вымышленных лиц о человеке, которому пришлось порвать со своей возлюбленной - но он же постоянно строгайше возбуждает будущим читателям его попытаться истинной причины, которая принудила его сделать то, что для него (равно, как и для невесты) было труднее и мучительнее всего. Больше того, он не раз говорит, что в своих писаниях он сделал все, чтоб сбить с толку любопытствующих. И тем не менее, надо сказать, что он вместе с тем сделал все, чтобы его тайна не ушла с ним в могилу. В своих книгах и в дневниках он повторяет: "если б у меня была вера, я бы никогда не покинул Регины Ольсен". Слова загадочные: какое отношение может иметь вера, как мы все привыкли понимать это слово, к тому, жениться или не жениться? А меж тем сказывается великая правда и великое прозрение Киркегарда. Об этом мы подробнее будем говорить, когда будет излагаться религиозная философия его. Пока скажу, что литературная деятельность Киркегарда началась - если не считать его кандидатской диссертации (она называется "Что такое ирония?") - с разрыва его с невестой, т. е. с 1841 года, когда ему было 27 лет. Книги, большие и малые, статьи, назидательные речи, дневники следуют друг за другом с изумительной быстротой - в 15 лет, которые ему осталось жить (он умер 11 ноября 1855 г.), написанное им составило 28 томов - 14 сочинений, 14 - дневников. Первая его книга называется "Все или ничего", и уже одно заглавие свидетельствует о том направлении, какое приняла мысль Киркегарда. Столь же характерно и название его второй книги: "Страх и Трепет" и приложенного к ней полубеллетристического, полуфилософского произведения - "Повторение". В первой речь идет о жертве Авраама, во второй - о книге Иова. Через 9 лет после появления "Страха и Тrepета" он сам напишет в дневнике своем: "Ужас должен охватить человека пред мрачным пафосом, проникающим эту книгу". То, что он говорит о "Страхе и Тrepете", можно сказать обо всех его сочинениях, обо всем, что он писал. И в книге "Что такое страх", и в "Болезни к смерти", и в "Упражнениях в христианстве", и в его речах "Жало в плоть", "какая разница между апостолом и пророком", "В праве ли человек ради истины отдать себя на растерзание", равно как и в тех книгах, которые своим заглавием не выдают своего содержания, как "Этапы жизненного пути", "Философские крохи" и т. д. - во всем что он писал, чувствуется тот неслыханно мрачный и тяжелый пафос, который сам Киркегард отметил в "Страхе и Тrepете". То же нужно сказать и о дневниках его. И чем старше он становится, тем грознее и ужаснее становится его пафос. Соответственно этому и в писаниях его все больше и больше нарастает вызов современности. Он борется сразу на два фронта: с одной стороны, с умозрительной

Шестов Л. Киркегард - религиозный философ filosoff.org философией, с ее представителем - Гегелем, который в его время был властителем дум в Европе, с другой стороны - с церковью и духовенством, со всем "христианским миром", который, как он писал, "убил Христа". Особенно резки и безудержны были его последние выступления в небольшом журнале, заполнявшемся им самим и называвшемся "Мгновение". Он открыто заявлял, что духовенство и все те, которые принадлежат к церкви, предают Христа, и что тот, кто хочет быть христианином, обязан выйти из церкви. К тому же времени относится и его статья о епископе Мюнстере, много лет подряд возглавлявшем датскую церковь. Мюнстер был духовником отца Киркегарда, он один только умел вносить некоторый мир в душу измученного неизбывными воспоминаниями о своих тяжких грехах старика. Мюнстер был, в сущности, и воспитателем самого Серена, которого он знал с раннего детства и который никогда не пропускал ни одной его воскресной проповеди. Вся Дания считала его своим духовным вождем и благоговела перед ним. Пока Мюнстер жил - Киркегард не задевал его. Но когда 30 января 1854 года Мюнстер умер и его зять, профессор Мартенсен, известный ученый и философ (гегелианец), в надгробной речи назвал его "свидетелем истины", - Киркегард прорвало и он написал и опубликовал статью "Был ли епископ Мюнстер свидетелем истины?", в которой с резкостью, даже для него самого исключительной, настаивал на том, что Мартенсен не вправе был говорить того, что он сказал, что Мюнстер не был свидетелем истины. Эта статья, как и его статьи о церкви, вызвала, конечно, всеобщее негодование и возмущение.

Но самому Киркегарду оставалось уже недолго жить. - 2 октября 1855 года он упал - от истощения сил - на улице, его перенесли в госпиталь, где он и скончался через два месяца. При жизни своей Киркегард пользовался известностью в Дании, но за границей его совсем не знали. Однако и в Дании ему приходилось печатать свои сочинения за свой счет, и хотя расходы по печатанию и окупались продажей книг, но доходов его книги ему не давали. Он мог существовать только благодаря оставленному ему отцом небольшому состоянию. Но так как он не хотел держать свои деньги в процентных бумагах, считая, что, согласно Библии, взимать проценты - грех, то к его смерти почти все его средства пришли к концу: осталась только небольшая сумма, которой едва хватило на скромные похороны.

II

Прежде чем перейти к изложению философии Киркегарда, важно отметить, что он был очень начитанным и всесторонне образованным человеком. В оставшейся после него библиотеке, которая заключала в себе около 2 200 томов - наряду с сочинениями греческих философов (в оригинале), средневековых мистиков, отцов церкви, новейших немецких философов (у него было полное собрание сочинений Гегеля и почти все, что древние писали о Сократе), мы находим многочисленные сочинения католических теологов, теософические сочинения Якова Бёме, Сведенборга и Баадера, а вместе с тем огромное количество книг по литературе - Шекспир, Байрон, Шелли, Гете и немецкие романтики и т.д. Я упоминаю об этом, главным образом, затем, чтобы предупредить, что обычные соображения, накопленные в течение веков здравым смыслом и человеческой мудростью, были Киркегарду так же известны, как и тем, кто не хочет следовать за ним и предпочитает идти по широкой, протоптанной дороге мысли.

Если все-таки он пошел по иному пути, то не потому, что не был достаточно осведомленным человеком или не понимал того, что побуждает людей думать так, как думают все. Он все знал и все понимал - знал лучше и понимал глубже, чем другие. И тем не менее, или, вернее, именно потому он пошел своим, столь необычным и столь чуждым для всех путем. Платон (устасти своего несравненного учителя Сократа) возвестил миру: "нет большего несчастья для человека, как сделаться мисологосом, т. е. ненавистником разума". Также Платон, а вслед за ним и Аристотель учили: начало философии есть удивление. Если бы нужно было в нескольких словах формулировать самые заветные мысли Киркегарда, пришлось бы сказать: самое большое несчастье человека - это безусловное доверие к разуму и разумному мышлению, начало же философии есть не удивление, как полагали древние, а отчаяние. Во всех своих произведениях он на тысячи ладов повторяет: задача философии в том, чтоб вырваться из власти разумного мышления и найти в себе смелость (только отчаяние и дает человеку такую смелость) искать истину в том, что все привыкли считать парадоксом и абсурдом. Там, где по свидетельству нашего опыта и разума, кончаются все возможности, где, по нашему пониманию, мы упираемся в стену

Шестов Л. Киркегард – религиозный философ filosoff.org
абсолютно невозможного, где со всей очевидностью выясняется, что нет
никакого исхода, что все навсегда кончено, что человеку уже делать и
не о чем думать и остается только глядеть и холодеть, где люди прекращают и
должны прекратить всякие попытки исканий и борьбы, там только, по мнению
Киркегарда, начинается истинная и подлинная борьба – и в этой борьбе задача
философии.

Aimes-tu les damnés, connais-tu l'irrémissible? – со всех страниц
Киркегарда глядит на нас этот страшный вопрос Бодлера. Киркегард
преклонялся перед Сократом. "Вне христианства, – писал он последние годы
своей жизни в дневнике, – Сократ единственный в своем роде". Но что может
сказать нам, что может сказать самому себе мудрейший из людей пред лицом
непреодолимого, пред лицом преданных на вечное осуждение людей! Сократ
научил думать Платона и всех нас, что разум может выручить человека из
всякой беды и что ненависть к разуму есть величайшее несчастье. Но пред
непреодолимым – разум бессилен и, не желая признаваться в своей бессилии,
он призывает к покорности, на которой строит свою этику, присвоившую себе
право и власть предавать людей на вечную гибель. Оттого и Паскаль уже так
вызывающе говорил о нашем бессильном разуме и жалкой морали. Это и толкнуло
его на столь ошеломляющее и потрясающее решение – отречься от разума и
всего того, что разум, возомнивший себя высшим жизненным началом, дает
человеку. Отсюда и его *je n'approuve que ceux qui cherchent en
général* – в противоположность всеми признанными методам разыскания
истины, которые нам представляются как бы предвечно сросшимися с самой
природой мышления. Мы ценим только объективное, бесстрастное искание.
Истина, по нашему неискоренимому убеждению, дается только тому, кто,
забывши и себя и ближних, и весь мир, вперед изъявляет свою готовность
принять все, что она принесет с собою. В этом смысл завета Спинозы: *non
ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere*: не смеяться, не
плакать, не проклинать, а понимать. Дано ли нам выбирать между Спинозой и
Паскалем? Можно ли допустить, что страстное *chercher en général*
Паскаля в большей степени обеспечит нам истину? Или даже что бесстрастное
"понимание" по рукам и ногам связывает человека, парализует его мысль и
навсегда отрезывает его от последней истины, от того, что в Писании
называется "единым на потребу"? История уже давно ответила на этот вопрос.
Паскалевское *s'abandonner*, как и его *chercher en général*, сданы
нами в кунсткамеру, где хранятся редкие и по-своему любопытные, но никому
не нужные вещи. Нами владеет объективная истина, с которой не смеют спорить
и пред которой преклоняются даже верующие люди. Но можно ли считать
приговор истории последним и окончательным?

Я напомнил о Паскале в надежде, что через Паскаля легче будет подойти к
Киркегарду. В небольшой, но замечательной по искренности, глубине и
силе-выражения философской повести "Повторение", которая приложена к его
книге "Страх и Трепет", Киркегард пишет: "вместо того, чтобы (в трудную
минуту) обратиться за помощью ко всемирно знаменитому философу, к
professor'u publicus ordinarius (т. е. к Гегелю), мой друг (Киркегард
почти всегда, когда ему нужно выразить свои душевные мысли, говорит от
третьего лица) ищет прибежища у частного мыслителя, который знал сперва
все, что было лучшего в жизни и которому пришлось потом из жизни уйти – к
библейскому Иову... Иов, сидя на пепле и скребя черепками струпья на своем
теле, бросает беглые замечания, почти намеки. И здесь мой друг думает
найти, что нужно. Здесь истина выразится убедительнее, чем в греческом
симпозионе" (т. е. у Сократа, Платона и всех великих философов, которые до
и после Платона и Аристотеля создавали и формировали эллинскую мысль).
Противопоставление Иова – Гегелю и Платону, т. е. всей древней и новой
философии – это величайший вызов всей нашей культуре, но в этом заветная
мысль Киркегарда, проходящая через все его произведения. Отсюда и вытекло
то, что он называет экзистенциальной философией, долженствующей, по учению
Киркегарда, прийти на смену философии умозрительной или спекулятивной.
"Трудности умозрения, – поясняет он в своем дневнике, – растут по мере
того, как приходится экзистенциально осуществлять то, о чем спекулируют. Но
в общем в философии (и у Гегеля и у других) дело обстоит так же, как и у
всех людей в жизни: в своем повседневном существовании они пользуются
совсем другими категориями, чем те, которые они выдвигают в своих
умозрительных построениях, и утешаются совсем не тем, что они так
торжественно возвещают".

Спекулятивная философия и спекулятивные философы, которых Киркегард всегда
насмешливо называет спекулянтами, оторвали человеческую мысль от корней
бытия. Гегель уверенно, точно его устами говорит сама истина, заявляет в

Шестов Л. Киркегард - религиозный философ filosoff.org
своей логике: "Когда я мыслю, я отрекаюсь от всех своих субъективных особенностей, углубляясь в самую вещь, и я дурно мыслю, если прибавлю хоть что-нибудь от самого себя". Не только Гегелю, всем нам так представляется, все мы убеждены, что условием постижения истины является готовность человека отречься от самых значительных, самых жизненных интересов своих и принять все, что открывается ему его умным зрением, его разумом, как бы оно ни было ужасно и отвратительно. "В философии, - читаем мы у того же Гегеля, - религия получает свое оправдание. Мышление есть абсолютный судья, перед которым содержание религии должно оправдать и объяснить себя". И тут Гегель опять-таки говорит не от своего имени, он только дает выражение тому, что думали все люди ("всемство", как говорил Достоевский). Если религиозная истина не может оправдаться перед разумом, который сам не имеет нужды ни пред кем оправдываться, - она этим самым обличает свою несостоятельность и обрекает себя на смерть. Киркегард и сам прошел через Гегеля: в молодости он, как и все почти его сверстники, был всецело в его власти. Свое внутреннее противление философии Гегеля он долго истолковывал как "неспособность понять великого человека", и с ужасом в душе рассказывал об этом "позоре и несчастье своем". При этом он ясно давал себе отчет, что за Гегелем стоит греческий симпозион, и, в последнем счете, ему придется начать борьбу не только с Гегелем, но восстать против Платона, Аристотеля, против самого Сократа. Иначе говоря, поднять вопрос о непогрешимости человеческого разума. Правы ли были греки, правы ли современные философы, - усматривая в разуме единственный источник истины? Прав ли был Гегель, возвестивший, что все действительное разумно и все разумное действительно и что против действительного - как бы страшно оно ни было - негде и не у кого, а, стало быть, и не нужно искать защиты, что его можно и должно принять таким, какое оно есть? Гегель, отвечает Киркегард, "обоготворил действительность" и видел в этом свою заслугу и свою силу, на самом же деле тут сказалась его слабость, вялость его духовного существа. У Гегеля не возникло даже сомнения в правильности его приемов разыскания истины, как не возникают они у подавляющего большинства людей. "Люди, - пишет Киркегард, - как это само собой собою разумеется, не понимают истинно страшного", закрывают на него глаза и "берут жизнь такой, какая она есть, как ее все понимают и принимают". Но можно ли назвать такое отношение к жизни философией? Есть ли это мышление? Не наоборот ли? Не значит ли, что человек, отвернувшись от жизненных ужасов - будь то прославленный professor publicus Ordinaris или рядовой обыватель - что такой человек отказался и от философии и от мышления? "Человеческая трусость, - заявляет Киркегард, - не может вынести того, что нам имеют поведать безумие и смерть". Оттого он покидает признанного всеми Гегеля и идет "к частному, - как он выражается, - мыслителю", - к библейскому Иову. Идет не затем, чтоб в качестве постороннего наблюдателя любоваться великолепными вспышками гнева многострадального старца или наслаждаться несравненными образами одной из "наиболее, - как он говорил, - человеческих книг Св. Писания". На это способен был и Гегель - да кто уже только ни восхищался книгой Иова! Киркегард, который в противоположность "всемству", нашел или принужден был найти в себе мужество, чтобы прислушаться к тому, что нам рассказывает безумие и смерть, идет к Иову, как к мыслителю, идет за истиной, от которой отгородился Гегель, укрывшись в оазисе своей философской системы. Гегель не хочет, не может услышать ни Киркегарда, ни Иова: их устами говорят безумие и смерть, которым не дано оправдаться перед разумом. Людям, выброшенным из жизни, нет места в "системе" Гегеля, умозрительная философия отворачивается от них, забывает об их существовании. Киркегард взывает: "Что за сила, которая отняла у меня мою честь и мою гордость, да еще так бессмысленно? Неужели я нахожусь вне покровительства законов?". Но разве Гегель может хоть на минуту усомниться в том, что отдельный человек находится вне покровительства законов? Для умозрительной философии совершенно самоочевидно, что отдельный человек, т. е. существо, возникшее во времени, должно во времени иметь и конец, и что законы вовсе не затем установлены, чтоб оберегать столь преходящее существование. И сила, о которой говорит Киркегард, отнюдь не есть сила бессмысленная, а осмысленная, разумная, ибо, как и мы сейчас слышали, все действительное - разумно. Задача же и обязанность, даже назначение человека - и Киркегард не вправе требовать для себя никаких привилегий - в том, чтоб постичь эту великую, навеки неизменную истину, с мудрым спокойствием принять ее и покориться своей судьбе. Это было известно и друзьям Иова, которые сделали все возможное, чтобы своими речами помочь ему подняться на должную нравственную высоту. Но чем больше и пламеннее говорили его друзья, тем больше распалялся Иов. Такое же действие производило на Киркегарда чтение произведений Гегеля. Долго не решался он восстать против прославленного учителя и властителя дум его собственной юности. "Только дошедший до отчаяния ужас, - пишет

Шестов Л. Киркегард - религиозный философ filosoff.org
Киркегард в своем дневнике, - пробуждает в человеке его высшее существо". Иов тоже только тогда, когда открывшийся ему ужас человеческого существования превзошел всякое воображение, отважился вступить в великую и последнюю борьбу с самоочевидностями.

III

Последнюю главу я закончил словами Киркегарда, которые никогда при чтении его произведений не следует забывать - если хочешь проникнуть в существо его философии: "только дошедший до отчаяния ужас пробуждает в человеке его высшее существо". Оттого книга Иова, самая человеческая, по мнению Киркегарда, книга из всей Библии, так неудержимо влекла его к себе. Оттого он принял неслыханное по дерзновению и для нас ни с чем несообразное решение противопоставить Иова-мыслителя Гегелю и греческому симпозиону. Иов ведь тоже только тогда, когда постигшие его ужасы и несчастья превзошли всякое воображение, решился бросить вызов всем нашим непререкаемым истинам. Вот как рассказывает об этом в своем "Повторении" Киркегард. "Не тогда проявляется величие Иова, когда он говорит: Бог дал. Бог взял. Он так говорил вначале, но потом больше этого не повторял". "Величие Иова в том, что пафос его свободы нельзя разрядить льстивыми посулами и обещаниями". "Иов доказывает широту своего мирозерцания той непоколебимостью, которую он противопоставляет коварным ухищрениям и подходам этики". Все, что Киркегард говорит об Иове, можно сказать и о нем самом. А вот заключение, в котором Киркегард заявляет: "Иов благословен. Ему вернули все, что у него было, и даже вдвойне. И это называется повторением ... Когда оно наступает? Когда оно наступило для Иова? - Когда всяческая мыслимая для человека несомненность и вероятность говорит о невозможности". И этому повторению, по глубокому убеждению Киркегарда, "суждено сыграть важную роль в новой философии, новая философия будет учить, что - вся жизнь есть повторение". Новая философия, т. е. философия экзистенциальная. Начинается эта философия тогда, когда всякая мыслимая для человека возможность и вероятность говорит о полной безысходности, т. е. о конце, и когда философия умозрительная умолкает. Для Гегеля, для участников греческого симпозиона тут нечего делать - нечего ни начинать, ни продолжать. Они не хотят и не смеют противиться указаниям и велениям разума. Они целиком во власти убеждения, что разуму и только разуму, дано определять границы возможного и невозможного. Они не смеют даже и вопроса себе поставить о том, откуда пришла к ним эта непоколебимая уверенность во всевластности разума. Это им кажется равносильным готовности поставить на место разума нелепость и бессмыслицу. Можно решиться на такой шаг? Может человек пожертвовать своим разумом? Забыть предостережение божественного Платона, что величайшее несчастье, какое может приключиться с человеком - это если он станет мисологосом, т. е. ненавистником разума? Но разве тут дело идет о жертве? Оказывается, что Платон не все предусмотрел. Разум точно нужен, очень нужен нам. В обычных условиях нашего существования он помогает нам справиться с трудностями и даже с очень большими трудностями, встречающимися на нашем жизненном пути. Но бывает так, что разум приносит человеку величайшие беды, что из благодетеля и освободителя он превращается в тюремщика и палача. Отречься от него вовсе и не значит пожертвовать чем-либо. Тут может быть лишь один вопрос: как сбросить с себя эту ненавистную власть? И даже того больше: человек совсем перестает спрашивать, словно, чуя, что уже в самих вопрошаниях скрывается уступка безмерным притязаниям открываемых нам разумом истин. Иов не спрашивает: он кричит, плачет, проклинает (не Иова ли имел в виду Паскаль, когда говорил: *je n'approuve que ceux qui cherchent en gémissant?*), словом неистовствует, и назидательные речи пришедших его утешать друзей вызывают в нем припадки бешенства. Он видит в них лишь выражение человеческого равнодушия и человеческой трусости, которые не могут вынести вида выпавших на его долю ужасов и прикрывают свое предательство высокими словами морали и мудрости. Разум "бесстрастно" свидетельствует о конце всяких возможностей, этика, всегда по пятам следующая за разумом, приходит со своими патетическими увещаниями и назидательными речами о том, что человек обязан покорно и кротко нести свой жребий, как бы страшен он ни был. У Киркегарда, как у Иова, один ответ на это: надо убить, надо уничтожить отвратительное чудовище, которое узурпировало себе право от имени разума выносить приговоры живому человеку и от имени морали требовать от него, чтобы он считал вынесенные приговоры навеки нерушимыми и святыми. "О, мой незабвенный благодетель, - пишет Киркегард, - многострадальный Иов, можно

Шестов Л. Киркегард – религиозный философ filosoff.org
ли мне придти к тебе не за тем, чтобы предать тебя или проливать над тобой притворные слезы? У меня не было твоих богатств, не было семерых сыновей и трех дочерей... Но и тот может все потерять, кто обладает немногим, и тот может все потерять, кто потеряет возлюбленную, и тот оказывается покрытым гнойниками и струпами, кто потерял свою честь и свою гордость, и с этим – силу и смысл жизни".

Уже по этим поневоле беглым замечаниям и по приведенным кратким отрывкам из "Повторения", можно отчасти догадаться, какую огромную и важную задачу поставил себе никому при жизни неизвестный датский магистр теологии. От прославленного философа Гегеля, от знаменитых мудрецов древнего и нового времени, он ушел к частному мыслителю Иову, от ученых трактатов – к Св. Писанию. Паскалевская chercher en g#233;missant противопоставляется как метод разыскания истины тем методам, которыми пользовались до сих пор лучшие представители философского мышления. "Вопли Иова" не являются, как нас всех приучили думать, только воплями, т. е. бесцельными, бессмысленными, не для кого не нужными и для всех докучными криками. Для Киркегарда в этих воплях открывается новое измерение мышления, он чувствует в них действительную силу, от которой, как от иерихонских труб, должны валиться крепостные стены. Это основной мотив экзистенциальной философии. Киркегард не хуже других знает, что для философии умозрительной, как и для здравого смысла, философия экзистенциальная есть величайшая нелепость. Но это не останавливает, это вдохновляет его. В мышлении открывается как бы новое измерение. На весах Иова скорбь человеческая оказывается тяжелее, чем песок морской, и стоны погибающих опровергают очевидности. Когда всякая мыслимая для человека несомненность и вероятность говорит о невозможности, тогда начинается новая, уже не разумная, а безумная борьба о возможности невозможного. Эта борьба и есть то, что Киркегард называет экзистенциальной философией – философией, ищущей истины не у Разума с его ограниченными возможностями, а у не знающего границ Абсурда.

От Иова путь Киркегарда идет к тому, кто в Писании называется отцом веры – к Аврааму и его страшной жертве. Вся книга "Страх и Трепет" – самое заглавие которой взято из 2-го псалма, посвящена Аврааму. Уже с Иовом было трудно, очень трудно: каких усилий стоило Киркегарду его решимость противопоставить слезы и проклятия Иова спокойному и трезвому мышлению Гегеля! Но от Авраама потребовалось больше, много больше, чем от Иова. Иову его беды были посланы внешней силой, Авраам сам заносил нож над своим сыном. От Иова люди бегут, и даже этика, чувствуя свое бессилие помочь ему, незаметно от него отстраняется. От Авраама же люди не бежать должны, а ополчиться против него: Авраам – величайший преступник, но вместе с тем и несчастнейший из людей: он теряет сына, надежду и опору старости, и вместе с тем, как Киркегард, свою честь и гордость.

Кто такой этот таинственный Авраам и что это за загадочная книга, в которой дело Авраама не заклеено позорным именем, как бы это следовало сделать, а возвеличено и прославлено в поучение и назидание потомству? Киркегард бесстрашно заявляет: "Авраам своим поступком переходит границы этического. Его telos (греческое слово, значащее цель) лежит выше, вне этического. Озираясь на эту цель, он отстраняет этическое". Как мог осмелиться Авраам, как смеет кто бы то ни было посметь отстранять этическое? "Когда я думаю об Аврааме, – пишет Киркегард, – я как бы совершенно уничтожаюсь. Каждое мгновение я вижу, какой неслыханный парадокс составляет содержание жизни Авраама, каждое мгновение что-то отталкивает меня от него, и мысль моя, при всем ее напряжении, в парадокс проникнуть не может". И дальше он прибавляет: "я могу вдуматься и понять героя, в Авраама же моя мысль проникнуть не может. Как только я пытаюсь подняться на его высоту, я сейчас падаю, так как то, что мне открывается, является парадоксом. Но я оттого не принимаю значения веры, наоборот: для меня вера есть высшее, что дано человеку, и я считаю нечестным, что философия ставит на место веры что-то другое". И, наконец: "я глядел в глаза страшному и не боялся, не дрожал. Но я знаю, что, если я даже противостою мужественно страшному, мое мужество не есть мужество веры, но есть сравнительно с последним ничто. Я не могу осуществить движение веры: я не могу закрыть глаза и без оглядки броситься в бездну Абсурда".

Соответственно этому он все силы направляет против нашей этики и того, что мы называем объективной истиной. "Если этическое есть высшее, – пишет он, – то Авраам погиб". С другой стороны: "суеверие приписывает объективности власть головы Медузы, превращающей субъективность в камень". В объективности умозрительной философии он видит ее основной порок. "Люди, –

Шестов Л. Киркегард - религиозный философ filosoff.org пишет он, - стали слишком объективными, чтобы обрести вечное блаженство: вечное блаженство состоит в страстной, бесконечной, личной заинтересованности. И от этого отказываются, чтоб стать объективными: объективность выкрадывает из души и ее страсть и ее бесконечную личную заинтересованность. И такая бесконечная заинтересованность есть начало веры". "Если я от всего отрекаюсь (как того требует умозрительная философия, которая, выявляя конечность и преходящесть всего, что нам дает жизнь, мнит таким образом освободить человеческий дух), - пишет Киркегард по поводу жертвы Авраама, - это еще не вера, это только покорность. Это движение я делаю собственными силами. И если я этого не делаю, то лишь из трусости или по слабости. Но веруя, я не от чего не отрекаюсь. Наоборот, через веру я все приобретаю: если у кого есть вера с горчичное зерно, он может сдвигать горы. Нужно чисто человеческое мужество, чтобы отречься от конечного ради вечного. Но нужно парадоксальное и смиренное мужество веры, чтобы в силу Абсурда владеть всем конечным. Это и есть мужество веры. Вера не отняла у Авраама его Исаака. Через веру он его получил". Можно было бы привести сколь угодно цитат из Киркегарда, в которых выражается та же мысль. "Рыцарь веры, - заявляет он, - настоящий счастливый, владеющий всем конечным". Киркегард превосходно видит, что такого рода утверждения являются вызовом всему, что нам подсказывает наше естественное мышление. Оттого он ищет покровительства не у разума с его всеобщими и необходимыми суждениями, к которым так страстно стремится умозрительная философия, а у Абсурда, т. е. у веры, которую разум наш квалифицирует, как Абсурд. Он знает по своему собственному опыту что "верить против разума есть мученичество". Но только такая вера, которая не ищет и не может найти у разума оправдания, есть, по Киркегарду, вера Св. Писания. Она лишь дает человеку надежду преодолеть ту жестокую необходимость, которая через разум вошла в мир и стала в нем господствовать. Когда Гегель превращает Истину Писания, истину Откровения в истину метафизическую, когда вместо того, чтоб сказать, что Бог принял образ человека или что человек был создан по образу и подобию Богию, он возвещает, что "основная идея абсолютной религии - единство человеческой и божественной природы", он убивает веру. Смысл этих гегелевских слов тот же, что и смысл слов Спинозы: "Бог действует только по законам природы и никем не принуждается". И содержание человеческой абсолютной религии сводится опять же к положению Спинозы: вещи не могли никаким иным способом и ни в каком ином порядке быть созданы Богом, чем они были созданы. Спекулятивная философия не может существовать без идеи Необходимости: она ей нужна, как воздух человеку, как рыбе - вода. Оттого истины опыта, как выразился Кант, так раздражают наш разум. Они твердят о свободном, божественном fiât и не дают настоящего, т. е. нудящего, принуждающего знания. Но для Киркегарда принуждающее знание есть мерзость запустения, есть источник первородного греха - через свое "будете, как боги, знающими" искушение привел к падению человека.

IV

Мы говорили о вере Авраама. Авраам решил на дело, потрясающее человеческое воображение: занес нож над единственным сыном, над своей надеждой, над отрадой старости. Нужны, конечно, огромные силы для этого: недаром и сам Киркегард сказал, что Авраам отстранил этическое. Авраам верил. Во что он верил? "Даже в то мгновение, - пишет Киркегард, - когда нож блеснул в его руках, Авраам верил, что Бог не потребует от него Исаака. Пойдем дальше. Допустим, что он действительно заклал Исаака - Авраам верил. Он верил не в то, что где-нибудь в ином мире он найдет блаженство (как учит основанная на нашем разуме этика). Нет, здесь, в этом мире, - подчеркивает Киркегард, - он будет еще счастлив. Бог может дать ему другого Исаака. Бог может вернуть к жизни закланного сына. Авраам верил в силу Абсурда: человеческий расчет для него давно кончился". И чтоб рассеять всякие сомнения, как он понимал веру Авраама и смысл его поступка, он и собственное дело приобщает к библейскому повествованию. Разумеется, делает это он не прямо и не открыто. О таких вещах люди не говорят открыто, Киркегард и подавно: для этого он и придумал свои непрямые высказывания. При случае, между прочим, он скажет: "что такое для человека его Исаак, это каждый решает сам и для себя", но смысл и конкретное значение этих слов можно разгадать только, прослушав выдуманный им рассказ о бедном юноше, полюбившем царскую дочь. Для всех совершенно очевидно, что юноше не видать царевны, как своих ушей. Обыкновенный здравый смысл, как и высшая человеческая мудрость (в конце концов, между здравым смыслом и мудростью

Шестов Л. Киркегард – религиозный философ filosoff.org (принципиальной разницы нет), равно советуют ему бросить мечту о невозможном и добиваться возможного: вдова богатого пивовара для него самая подходящая партия. Но юноша, точно его что-то ужалило, забывает и здравый смысл и божественного Платона, и вдруг, совсем как Авраам, бросается в объятия Абсурда. Разум отказался дать ему царскую дочь, которую он предназначил не для него, а для царского сына, и юноша отворачивается от разума и пытается счастья у Абсурда. Он превосходно знает, что в обыденной повседневной жизни царит глубочайшая уверенность, что царская дочь никогда ему не достанется. "Ибо, – пишет Киркегард, – разум прав: в нашей долине скорби, где он является господином и хозяином, это было и останется невозможностью". Он знает тоже, что дарованная богами людям мудрость рекомендует в таких случаях, как единственный выход из создавшегося положения, спокойную покорность неизбежному. И он даже проходит через эту покорность – в том смысле, что дает себе – со всей ясностью, на какую способна человеческая душа, отчет в действительном. Иному, – поясняет Киркегард, – пожалуй представится более соблазнительным убить в себе желание обладать царской дочерью, обломать, так сказать, острие скорби. Такого человека Киркегард называет рыцарем покорности и находит даже слова сочувствия по его адресу и все же, заявляет он, "чудесно обладать царской дочерью, и рыцарь покорности, если он это отрицает, лжец", и его любовь не была настоящей любовью. Рыцарю покорности Киркегард противопоставляет рыцаря веры. "Через веру, говорит этот рыцарь себе, через веру ты получишь царскую дочь". И еще раз повторяет: "все же, как чудесно получить царскую дочь". Рыцарь веры единственно счастливый: он господствует над конечным, в то время как рыцарь покорности здесь только пришелец и чужак. Но тут же он признается: "и все же на это дерзновенное (движение) я не способен. Когда я пытаюсь проделать его – голова у меня идет кругом, и я тороплюсь укрыться в скорбь покорности. Я могу плавать, но для этого мистического парения я слишком тяжеловесен". А в дневниках его мы читаем: "если бы у меня была вера, Регина Ольсен осталась бы моей". Почему же человек, который так страстно, так безумно рвется к вере не может ее обрести? Отчего не может он пойти за Авраамом и бедным юношей, полюбившим царскую дочь? Отчего он отяжелел и не способен к парению? Отчего на его долю выпала покорность и ему отказано в последнем дерзании? Это нас подводит к учению Киркегарда о первородном грехе и о грехе вообще, которое у него теснейшим образом связано с пониманием библейской веры. Для Киркегарда "понятие противоположное греху есть не добродетель, а свобода" и вместе с тем "понятие противоположное греху есть вера". Вера, только вера, освобождает от греха человека. Вера, только вера, может вырвать человека из власти необходимых истин, которые овладели его сознанием, после того, как он отведал плодов запретного дерева. И только вера дает человеку мужество и силы, чтоб смотреть прямо в глаза безумию и смерти и не склоняться безвольно пред ними. "Представте себе, – пишет Киркегард, – человека, который со всем напряжением испуганной фантазии вообразил себе нечто неслыханно ужасное, такое ужасное, что вынести его совершенно невозможно. И вдруг это действительно встретилось на его пути, стало его действительностью. По человеческому разумению, гибель его неизбежна... Но для Бога все возможно. В этом состоит борьба веры: безумная борьба о возможности. Ибо только возможность открывает путь к спасению. В последнем счете остается одно: для Бога все возможно... И только тогда открывается дорога вере. Верят только тогда, когда человек не может открыть уже никакой возможности. Бог значит, что все возможно и что все возможно, значит Бог. И только тот, чье существо так потрясено, что он становится духом и постигает, что все возможно, только тот подошел к Богу". И в дневнике Киркегарда 1848 года мы читаем замечательную запись: "Для Бога все возможно: эта мысль есть мой лозунг в глубочайшем смысле этого слова и приобрела для меня значение большее, чем я мог сам когда-нибудь думать. Ни на минуту я не позволю себе дерзновенно воображать, что раз я не вижу никакого выхода, то и для Бога выхода нет. Ибо свою жалкую фантазию и все прочее в таком роде смешивать с возможностями, которыми располагает Бог, есть гордыня и отчаяние". Вы видите, как далек Киркегард от того представления о вере, какое имеет большинство людей. Вера не есть доверие к тому, что нам внушают родители, старшие, наставники, вера есть огромная, рождающаяся в глубинах человеческого духа сила, готовая и способная в борьбу, даже тогда, когда все говорит нам, что борьба заранее обречена на неудачу. Киркегарда, конечно, вдохновляет евангельское обетование: если у вас будет вера с горчичное зерно... для вас не будет ничего невозможного. И он, вспоминая слова пророков и апостолов о том, что мудрость человеческая есть безумие перед Господом, решается на великую и последнюю борьбу – борьбу с человеческим разумом, поскольку разум хочет быть единственным и окончательным источником истины. Оттого он, как я уже говорил, отвернулся от Гегеля и греческой философии и пошел за истиной к невежественному Иову и

Шестов Л. Киркегард - религиозный философ filosoff.org невежественному Аврааму. И с каждой новой книгой, он все страстнее и безудержнее нападает на разум. Ссылаясь на Послание к Рим. (XIV, 23) он пишет: "все, что не от веры - есть грех. В этом один из основных принципов христианства: понятие, противоположное греху, есть не добродетель, а вера". Киркегард это неустанно повторяет, равно как он повторяет, что, чтоб приобрести веру, нужно отречься от разума. В последних своих произведениях он выражается следующим образом: "вера - противоположна разуму, вера живет по ту сторону смерти". Но что такое вера, о которой рассказано в Писании? Ответ Киркегарда: "вера значит именно это: потерять разум, чтоб обрести Бога". Еще раньше в связи с Авраамом и его жертвой Киркегард писал: "какой невероятный парадокс - вера! Парадокс может превратить убийство в святое, угодное Богу дело. Парадокс возвращает Аврааму его Исаака. Парадокс, которым (обычное) мышление не может овладеть, ибо вера именно там и начинается, где (обычное) мышление кончается". Отчего кончается? Потому что для обычного мышления тут начинается область невозможного: невозможно, чтоб сыноубийство было угодным Богу делом, невозможно, чтоб кто-либо (хотя бы и сам Бог) вернул к жизни убитого Исаака. Но Киркегард обо всем этом думает иначе. "Отсутствие возможности, - пишет он, - обозначает, что либо все стало необходимым, либо что все стало обыденным. Обыденность, тривиальность не знает, что такое возможность. Обыденность допускает только вероятность, в которой сохранились лишь крохи возможности, но что все это (т. е. невероятное и возможное) возможно, ей и на ум не приходит и она не помышляет о Боге. Обыденный человек (будет ли он кабатчиком или министром) лишен фантазии и живет в сфере ограниченного банального опыта: как вообще бывает, что вообще возможно, что всегда было... Обыденность вообразила, что она изловила возможность или засадила ее в сумасшедший дом"... Причем под обыденностью отнюдь не следует разумеать пивовара и философию пивовара: обыденность везде, где человек еще полагается на свои силы, на свой разум (Гегель и Аристотель, при несомненной гениальности их, не выходят за пределы обыденности), и кончается лишь там, где начинается отчаяние, где разум показывает со своей очевидностью, что человек стоит пред невозможным, что все для него кончено и навсегда, что всякая дальнейшая борьба бессмысленна, т. е. там и тогда, когда человек испытывает свое полное бессилие. Киркегарду, как никому, пришлось до дна испытать ту горечь, которую приносит человеку сознание своего бессилия. Когда он говорит, что какая-то страшная власть отняла у него честь и его гордость, он имеет в виду свое бессилие. Бессилие, которое привело к тому, что, когда он прикасался к любимой женщине, она превращалась в тень. Бессилие, которое привело к тому, что все действительное для него превращалось в тень. Как это случилось? Что это за страшная власть, власть, которой дано так опустошить человеческую душу? В дневник свой он заносит - и не раз, а несколько раз: "если бы у меня была вера, я не ушел бы от Регины Ольсен". Это уже не непрямым высказывание, в роде тех, которые он делал от имени героев своих повествований - это уже непосредственное свидетельство человека о самом себе. Киркегард испытал отсутствие веры, как бессилие, и бессилие, как отсутствие веры. И в этом страшном опыте узнал то, чего большинство людей даже и не подозревает: отсутствие веры есть выражение бессилия человека, и бессилие человека выражается отсутствием веры. Это объясняет нам его слова о том, что "противоположное понятие греху - не добродетель, а вера". Добродетель - мы уже слышали это от него, - держится собственными силами человека: рыцарь покорности сам добывает, что ему нужно и, добывши, находит душевный мир и упокоение. Но освобождается ли таким образом человек? Все, что не от веры, есть грех, вспоминает Киркегард загадочные слова апостола. Стало быть, мир и спокойствие рыцаря покорности есть грех? Стало быть, Сократ, принявший так спокойно, на удивление его учеников и всех последующих поколений людей, из рук тюремщика чашу с ядом, был грешником? Лучший, мудрейший из людей удовольствовался положением рыцаря покорности, принял свое бессилие пред необходимостью, как неизбежное, а поэтому и нравственно обязательное, и за несколько часов до смерти поддерживал назидательными речами мир и спокойствие в душах учеников своих. Можно ли идти, спрашивает Киркегард, дальше Сократа? Через много сотен лет после Сократа знаменитый стоик Эпиктет, верный духу своего несравненного учителя, писал, что начало философии есть сознание бессилия пред необходимостью. Для Эпиктета, как и для Сократа, это сознание есть вместе с тем, и конец философии или, точнее, философская мысль всецело определяется убеждением человека в его абсолютном бессилии пред царствующей в мире необходимостью.

Сократовская добродетель не спасает человека от греха. Добродетельный человек есть рыцарь покорности. Он испытал весь позор и ужас, которые связаны с бессилием, и на этом остановился. Дальше двинуться нельзя. Почему он остановился? Откуда пришли эти некуда и нельзя? Их, отвечает Киркегард,

Шестов Л. Киргегард – религиозный философ filosoff.org принес человеку его разум, источник всего нашего знания и всей нашей морали. Но не находится ли сам разум, когда он воображает, что он является единственным источником истины и морали, во власти какой-то враждебной силы, так заворожившей его, что случайное и преходящее представляется ему непреодолимым и вечным? И этика, внушающая человеку, что покорность судьбе есть высшая добродетель, не находится ли она в таком же положении, как и разум? И она заворожена таинственными чарами: там, где она сулит человеку блаженство и спасение, его ждет гибель. Это и есть парадокс, это и есть Абсурд, который был скрыт от Сократа, но который открыт в Св. Писании – в повествовании книги Бытия о дереве познания добра и зла и падении первого человека.

V

Грехопадение, которому посвящена Киркегардом одна из наиболее замечательных книг его – "Что такое страх?", – тревожило человеческую мысль с самых отдаленных времен. Все люди чувствовали, что в мире не все благополучно и даже очень неблагополучно и делали огромные и напряженнейшие усилия, чтоб выяснить, откуда пришло это неблагополучие. И нужно сказать, что греческая философия, равно как и философия других народов, не исключая народов Дальнего Востока, на поставленный вопрос давала ответ прямо противоположный тому, который мы находим в повествовании книги Бытия. Один из первых великих греческих философов, Анаксимандр, в сохранившемся после него отрывке говорит: "откуда пришло отдельным существам их рождение, оттуда, по необходимости, приходит к ним и гибель. В установленное время они несут наказание и получают возмездие друг от друга за свое нечестие". Эта мысль Анаксимандра проходит через всю древнюю философию: появление единичных вещей, главным образом, конечно, живых существ и по преимуществу людей, рассматривается как преступное, нечестивое дерзновение, справедливым возмездием за которое является смерть и уничтожение. Идея о том, что рождение неизбежно влечет за собой уничтожение, есть исходный пункт античной и всей европейской философии – она же, повторю, неотвязно стояла пред основателями религий и философии Дальнего Востока. Естественная мысль человека во все времена и у всех народов безвольно, точно заколдованная, останавливалась пред роковой Необходимостью, занесшей в мир страшный закон о смерти, неразрывно связанной с рождением всего, что появилось и появляется. В самом существовании человека разум открыл что-то недолжное – порок, болезнь, грех, и, соответственно этому, мудрость требовала преодоления в корне этого греха, т. е. отречения от бытия, которое, как имеющее начало, осуждено предвечным законом на неизбежный конец. Греческий катарсис, т. е. нравственное очищение – имеет своим источником убеждение, что непосредственные данные сознания, свидетельствующие о неизбежной гибели всего рождающегося, открывают нам всемирную, вечную, неизменную и навсегда непреодолимую истину. Действительное, настоящее бытие нужно искать не у нас и не для нас, а там, где власть закона о рождении и уничтожении кончается, т. е. там, где нет и не бывает уничтожения. Отсюда и пошла умозрительная философия. Открывающийся умному зрению закон о неизбежной гибели всего возникающего и сотворенного представляется нам навеки присущим всему бытию: греческая философия в этом была так же непоколебимо убеждена, как и мудрость индусов, и мы, которых отделяют от греков и индусов тысячелетия, так же неспособны вырваться из власти этой самоочевиднейшей истины, как и те, которые впервые ее обнаружили и нам показали.

Только книга книг, т. е. Библия, в этом отношении составляет загадочное исключение. В ней рассказывается прямо противоположное тому, что люди усмотрели своим умным зрением. Все было создано, читаем мы в самом начале книги Бытия, Творцом, все имело начало. Но это не только не рассматривается, как условие ущербности, недостаточности, порочности и греховности бытия, но в этом залог всего, что может быть хорошего в мироздании. Иначе говоря, творческий акт Бога есть источник, и при том единственный, всего хорошего. Вечером каждого дня творения Господь, оглядываясь на сотворенное Им, говорил: "добро зело", а в последний день, оглядев все Им созданное, увидел Бог, что все добро зело. И мир и люди (которых Бог благословил), созданные Творцом и потому именно, что они были Им созданы, были совершенными и не имели никаких недостатков: зла в сотворенном мире не было, не было и греха, от которого зло началось. Зло и грех пришли после. Откуда? И на этот вопрос Писание дает определенный ответ. Бог насадил в эдемском саду, среди прочих деревьев, дерево жизни и

Шестов Л. Киркегард – религиозный философ filosoff.org
дерево познания добра и зла. И сказал первому человеку: плоды от всех деревьев можете есть, но плодов от дерева познания не касайтесь, ибо в тот день, когда коснетесь их, смертью умрете. Но искуситель – в Библии он назван змеем, который был хитрее всех, созданных Богом зверей, – сказал: "нет, не умрете, но откроются глаза ваши, и вы будете, как боги знающими". Человек поддался искушению, вкусил от запретных плодов, глаза его открылись, и он стал знающим. Что ему открылось? Что он узнал? Открылось ему то, что открылось греческим философам и индусским мудрецам: божественное "добро зело" не оправдало себя, в сотворенном мире не все добро в сотворенном мире – и именно потому, что он сотворен – не может не быть зла и, притом много зла и зла нестерпимого. Об этом свидетельствует нам с непререкаемой очевидностью наш разум и все, что нас окружает – "непосредственные данные сознания"; и тот, кто смотрит на мир открытыми глазами, тот, кто "знает", иначе об этом судить не может. С того момента, когда человек стал знающим, иначе говоря, вместе со знанием и через знание, вошел в мир грех, а за грехом зло и все ужасы нашей жизни. Так по Библии. Пред нами, людьми 20-го столетия, вопрос стоит так же, как он стоял пред древними: откуда грех, откуда все ужасы жизни? Есть ли порок в самом бытии, которое как сотворенное, как имеющее начало, неизбежно, в силу предвечного, ничему и никому (даже Богу) неподвластного закона, должно быть обременено несовершенствами, вперед обрекающими его на гибель, или грех и зло в "знании", в открытых глазах, в "умном зрении", т. е. от плодов запретного дерева? Гегель, впитавший в себя всю европейскую мысль за 25 веков ее существования, без всякого колебания утверждает: змей не обманул человека, плоды дерева познания стали источником философии для всех будущих времен. И нужно сказать: исторически Гегель прав. Плоды с дерева познания, действительно, стали источником философии, источником мышления для всех будущих времен. Философы – причем не только языческие, но философы еврейские и христианские, опиравшиеся на Библию и считавшие Библию боговдохновенной книгой, – все хотели быть знающими и ни за что не соглашались отречься от плодов запретного дерева. Грех не пришел от плодов дерева познания: от познания не может прийти ничего дурного. Откуда у людей такая уверенность, что от знания не могло прийти зло? Такого вопроса никто не ставит. Никому и на ум не приходит, что истину можно искать и найти в Писании. Истину нужно искать только в собственном разуме – и только то, что разум признает истиной, есть истина. Не змей, а Бог обманул человека.

Киркегард жил в эпоху, когда Гегель был властителем дум в Европе. И он, конечно, не мог не чувствовать себя всецело во власти гегелевской философии. Гегель, повторяя то, чему двадцать пять веков учила философия, возвестил, что все действительное разумно, иными словами, что все ужасы действительности должны быть приняты и одобрены, человеком. Но когда Киркегарду, по воле судьбы, пришлось с этими ужасами столкнуться, испытать их, он понял глубину и потрясающий смысл библейского повествования о падении первого человека. Веру, определяющую отношение твари к Творцу и знаменовавшую собой ничем не ограниченную свободу и беспредельные возможности, люди променяли на знание, на рабскую зависимость от мертвых и мертвящих вечных принципов. Знание не привело человека к свободе, как то провозглашает умозрительная философия, знание закрепостило нас, отдало на поток и разграбление вечным истинам. Но как это произошло? Как мог невинный человек соблазниться плодами дерева познания добра и зла и поверить искусителю, обещавшему ему, что, вкусив от запретных плодов, он "сравняется с Богом"? В своей книге "Что такое страх?" Киркегард, подходя к вопросу о падении невинного человека, пишет: "В состоянии невинности – мир и спокойствие, но вместе с тем есть что-то иное: не смятение, не борьба – ведь бороться – то не из-за чего. Но что же это такое? – Ничто. Какое действие имеет ничто? – Оно пробуждает страх. В том и заключается тайна невинности, что она есть в то же время и страх". Что же такое этот страх перед ничто? И тут опыт Киркегарда, прорывающийся через все запрещения, налагаемые на нашу мысль разумом и моралью, открывает поразительные вещи: "Страх этот, – рассказывает он, – можно сравнить с головокружением. Кто принужден заглянуть в раскрывшуюся пред ним бездну, у того кружится голова. И страх (невинного человека) есть головокружение свободы... От этого головокружения свобода валится на землю. Дальше этого психология уже не может ничего сказать. Но в этот момент все меняется и, когда свобода вновь поднимается, она видит, что она виновата... Страх есть обморок свободы. Психологически говоря, грехопадение всегда происходит в обмороке". Киркегард с напряженной сосредоточенностью поглощен рассмотрением открывающегося ему ничто и связи ничто со страхом. "Если мы спросим, – пишет он в другом месте той же книги, – что является предметом страха, то ответ будет один: ничто. Страх и ничто всегда сопутствуют друг другу. Но

Шестов Л. Киркегард – религиозный философ filosoff.org
как только вступает в свои права реальность свободы и духа, Страх исчезает. Что, собственно, есть Ничто в стране язычников? Оно есть Рок. Рок есть единство Необходимости и Случайности. Это получило свое выражение в том, что судьба представляется слепой; кто слепо идет вперед, тот продвигается в такой же степени необходимо, как и случайно. Необходимость, которая себя не осознает, является по отношению к ближайшему моменту, случайностью. Рок есть Ничто Страх". Самый гениальный человек, объясняет дальше Киркегард, не в состоянии своими силами преодолеть идею Рока. Наоборот, говорит он: "Гений повсюду открывает судьбу, и тем глубже, чем он более глубок... В том именно и сказывается природная мощь гения, что он открывает рок, но в этом и его бессилие". И он заключает свои размышления такими вызывающими словами: "такое гениальное существование, несмотря на свой блеск, красоту и огромное историческое значение, есть грех. Нужно мужество, чтоб понять это, и кто не научился искусству утолять голод тоскующей души, тот едва ли поймет это. И все-таки – это так".

Киркегард на все лады варьирует высказанные в приведенных сейчас отрывках мысли, которые кульминируют в его утверждении, что страх перед Ничто приводит к обмороку свободы, что утративший свободу человек обессиливает и в своем бессилии принимает Рок за всемогущую необходимость и тем более убеждается в этом, чем пронзительнее его ум и чем могущественнее его дарование. Киркегард целиком принимает библейское сказание о падении первого человека. Гений, величайший гений, пред которым все преклоняются и бессмертная слава в потомстве, именно потому, что он гений, что он доверяется всецело своему разуму, что он своим зорким и недремлющим оком проникает в последние глубины существующего, – есть великий грешник, грешник *par excellence*. Сократ в тот момент, когда он открыл в мире всеобщие и необходимые истины, являющиеся и доньше условием возможности объективного знания, Сократ вновь повторил преступление Адама. Он вкусил от плодов познания, и пустое ничто обернулось для него в Необходимость, превращающую, как голова Медузы, всякого, кто взглянет на нее, в камень. И он даже не подозревает значения того, что он делает, как не подозревал и наш праотец, когда он принял из рук Евы столь соблазнительные на вид плоды. В произнесенных искусителем словах "будете, как боги, знающие добро и зло" таилась казавшаяся непреодолимой сила Ничто, парализовавшая свободную волю человека. Киркегард это еще формулирует в таких словах: "Для Бога все возможно. Сказать Бог – значит сказать, что все возможно. Для фаталиста – все Необходимо. Необходимость есть его Бог: это значит, что нет Бога". Киркегард отверг греческую идею о власти Необходимости, принесенной в мир разумом. В этом и смысл его слов: "Чтоб обрести Бога, нужно отречься от разума". Он отверг и греческую идею о том, что этическое – есть высшее, равно как и их уверенность, что свобода есть возможность выбора между добром и злом. Такая свобода есть свобода падшего человека – есть рабство. Истинная свобода есть возможность. Возможность спасения там, где наш разум говорит, что все возможности кончились. И только вера, одна вера дает человеку силы и смелость взглянуть в лицо безумию и смерти. Умозрительная философия покоряется неизбежному, экзистенциальная его преодолевает, для экзистенциальной философии необходимость превращаться в немощное Ничто. В этом убеждении источник учения Киркегарда. Ибо, если над необходимостью, как ее понимали греки, никто не властен, то над грехом, совершенным человеком, властен Бог. "Бог послал в мир своего единственного сына, – учит Лютер, – возложил на него все грехи, говоря: ты – Петр, тот, который отрекся, ты – Павел, насильник и богохульник, ты – Давид, прелюбодей, ты – грешник, съевший яблоко в раю". Разум – этого постичь не может, наша этика этим возмущается. Но Бог выше этики и выше нашего разума. Он берет на себя наши грехи и уничтожает ужасы жизни.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимост. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!